

N.V. Lantukh

CRITERIA FOR VERIFICATION AND ASSESSMENT OF ADMISSIBILITY AND VALIDITY OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROSECUTION

Nataliya Lantukh – Professor, the Department of Criminal Process, Saint-Petersburg State University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor, St. Petersburg; **e-mail:** лана-лант@yandex.ru.

The article examines the categories of "reliability" and "admissibility" of evidence, which are of fundamental importance for criminal prosecution in criminal proceedings. It is noted that these basic concepts are still characterized by terminological uncertainty and are not disclosed in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The author supports the conventional approach to the formation and development of the terminology of criminal procedure in terms of establishing the reliability and admissibility of evidence considered to be necessary criteria for their verification and assessment, as well as their correlation. The complex process associated with practical actions during the verification of evidence and logical conclusions is aimed at establishing the reliability of evidence at the stage of their assessment and forms their admissibility when making procedural decisions. The author made an attempt to analyze the criteria that are aimed to ensure the reliability and admissibility of various types of evidence.

Keywords: proof; reliability of evidence; admissibility of evidence; verification of evidence; assessment of evidence; testimony of participants; material evidence; expert opinion; documentary evidence.

Н.В. Лантух

КРИТЕРИИ ПРОВЕРКИ И ОЦЕНКИ ДОПУСТИМОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Наталья Викторовна Лантух – профессор кафедры уголовного процесса, Санкт-Петербургский университет МВД России, кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; **e-mail:** лана-лант@yandex.ru.

В статье рассматриваются категории «достоверность» и «допустимость» доказательств, которые имеют фундаментальное значение для уголовного преследования при производстве по уголовным делам. Констатируется, что до сих пор эти базовые понятия характеризуются терминологической неопределенностью и не раскрыты в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Автор поддерживает конвенционный подход в становлении и развитии терминологии уголовного процесса в части установления достоверности и допустимости доказательств как необходимых критериев их проверки и оценки, а также их соотношения. Комплексный процесс, связанный с практическими действиями в ходе проверки доказательств и логическими выводами, направлен на установление достоверности доказательств на этапе их оценки и формирует их допустимость при принятии процессуальных решений. Автор осуществил попытку анализа критериев, связанных с обеспечением достоверности и допустимости различных видов доказательств.

Ключевые слова: доказывание; достоверность доказательств; допустимость до-

казательств; проверка доказательств; оценка доказательств; показания участников; вещественные доказательства; заключение эксперта; документальные доказательства.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации содержит предписание об оценке доказательств с точки зрения допустимости и достоверности, однако не определяет их понятия и критериев оценки, а также процессуальный порядок признания доказательств таковыми. Правила, содержащиеся в ст. 88 УПК РФ, посвящены лишь частным случаям признания доказательств недопустимыми. Тем самым и взаимосвязь, и взаимозависимость свойств допустимости и достоверности в УПК РФ установить затруднительно.

По мнению С.В. Корнаковой, «достоверным является доказанное знание, истинность которого не вызывает сомнений в связи с наличием обоснования этой истинности» [7, с. 70–71]. Достичь обоснования истинности возможно «путем собирания, проверки и оценки доказательств, осуществляемых в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством».

Как указывает В.С. Балакшин, «уголовно-судебная достоверность есть такая высокая степень вероятности, при которой известное решение подкрепляется твердо установленными фактами при отсутствии фактов, ему противоречащих или указывающих на недостаточное обследование дела и недостаточность собранных данных» [2, с. 130]. Представляется, что понятие достоверности включает в себя как соответствие данных объективной действительности, так и обоснование этого соответствия, адресованное определенному субъекту (субъектам).

В современных условиях трудно представить идеально функционирующий комплекс действий, дающий безошибочное определение правильности картины произошедших событий, а, следовательно, ответа на вопрос о достоверности или недостоверности доказательств. При этом достоверность является одним из важнейших свойств в процессе доказывания и требует законодательной регламентации

при ее оценке. Попытаться решить эту ситуацию возможно путем включения в отечественное законодательство категории недостоверного доказательства, указав, что «достоверным доказательство признается тогда, когда в результате его проверки и исследования выясняется, что содержащиеся в нем сведения соответствуют действительности». Кроме того, следует разрешить вопрос распространения механизма оценки допустимости доказательств на оценку достоверности доказательств.

Как справедливо указывает С.В. Некрасов, связь и соотношение между допустимостью и достоверностью доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве прослеживается исходя из положений ч. 3 ст. 7 УПК РФ. Так, получение доказательств незаконным путем влияет на установление его достоверности (применение физического или психического насилия, фальсификация доказательств и др.) [11, с. 9–10]. Однако анализ правовых норм свидетельствует об отсутствии в ч. 1 ст. 88 УПК РФ указания на фактический характер сведений, претендующих на статус доказательств. В этой связи установление достоверности предполагает положительный вывод о наличии реальных фактов, подтвержденных результатами проверки и оценки, производимыми с соблюдением требований уголовно-процессуального закона.

Распространение режима оценки допустимости доказательств на оценку их достоверности имеет практическое значение: на стадии предварительного расследования – как расширяющее процессуальные возможности стороны защиты по предотвращению использования недостоверных обвинительных доказательств; на стадии подготовки и назначения судебного заседания – как позволяющее устранить из материалов дела доказательства, недостоверность которых представляется возможным выявить на данном этапе; при рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей – как предотвра-

щающее их предубеждение.

Устоявшимся является мнение, согласно которому в процессе проверки исследуются вопросы относимости и допустимости доказательств. Однако, разделяя мнение авторов об обязательной проверке допустимости доказательств, представляется, что в большей степени данный элемент доказывания должен касаться именно вопросов достоверности. В этой связи совершенно оправдано мнение Ю.К. Орлова относительно того, что «во всех случаях должна быть проверена (подтверждена или опровергнута) достоверность доказательств. Иногда проверяется и допустимость доказательств, как, например, в процессе допроса понятых, производимого с целью установления факта процессуальных нарушений при производстве следственного действия; или же относимость, когда при расследовании квартирной кражи проверяется, не оставлены ли обнаруженные отпечатки пальцев самими жильцами» [12, с. 114]. Большую степень значимости в проведении проверки достоверности доказательств поддерживает и С.Б. Россинский, обуславливая это тем что, «...в отличие от относимости и допустимости, проверка достоверности изложенных в доказательстве сведений требует производства дополнительных следственных действий или иных познавательных мероприятий» [14, с. 101–103].

Итак, достоверность доказательств отражает наличие двух других свойств – относимости и допустимости. Констатация того, что доказательство не относимо к делу, приводит к выводу о его недостоверности, т.е. неправильности по существу. Также исключению вследствие недостоверности подлежит недопустимое доказательство, собранное ввиду нарушения процессуальной формы, оно *недостаточно верно*, поскольку оно оставляет сомнения в наличии какого-либо факта, явления, события. Вместе с тем, несоответствие доказательства строгим критериям допустимости может и не свидетельствовать о недостоверности выводов [10, с. 102].

В последние годы в юридической литературе высказана точка зрения, соглас-

но которой признание доказательства, полученного с нарушением закона, может быть недопустимым только в случае, если есть сомнения в его достоверности. Многие ученые приходят к выводу о том, что процессуальная форма доказательства не должна иметь приоритет над его содержанием, поэтому несоблюдение отдельных процедурных правил не означает, что информация сама по себе недостоверна. При этом важно, чтобы нарушение, допущенное при собирании и исследовании доказательств, было подвергнуто оценке с точки зрения наличия либо отсутствия сомнений в его реальности, а также правильности сделанных на его основе выводов. Сама по себе оценка допустимости доказательств в уголовном процессе остается до настоящего времени одним из наиболее сложных результатов процессов, реализуемых в процессе доказывания. Разрешение существующей проблемы определения допустимости информации для доказывания и разработки критериев ее оценки субъектами уголовного судопроизводства имеет важное теоретико-методологическое и практическое значение.

Так, Уголовно-процессуальный кодекс допускает в качестве доказательств иные документы, процедура получения которых строго и четко не предусмотрена, а также материалов, которые послужили основанием для возбуждения уголовного дела. Материалы, полученные в стадии возбуждения уголовного дела, претендуют на статус доказательств, а проверка данных сведений может являться частью процесса доказывания. В общее правило о недопустимости этих материалов могут быть установлены исключения, когда они не нуждаются в процессуальной проверке, если не возникает сомнения в его достоверности. Иначе говоря, спорные вопросы допустимости использования доказательств, полученных в стадии возбуждения уголовного дела, лежат в плоскости обеспечения достоверности фактических данных. Материалы, представленные вместе с заявлением о преступлении, могут быть использованы в качестве доказательств только тогда, когда лица, их представившие, были допрошены на предмет

установления источника получения материалов, отражения обстоятельств, при которых они были получены и пр. Тем самым и проверяется достоверность доказательств.

Аналогично должен разрешаться вопрос и об использовании результатов ОРД в доказывании. В этом случае установлено, что доказательствами являются не сами оперативно-розыскные данные, указывающие на возможный источник получения таких сведений, а информация, «легализованная» процессуальным способом и на это уполномоченным лицом. При этом любые представляемые материалы (фото-материалы, видеоматериалы, носители компьютерной информации, иные документы, а также материальные объекты, которые в соответствии с УПК могут быть признаны вещественными доказательствами) должны быть подкреплены информацией о времени, месте, источнике, обстоятельствах получения этих материалов, зафиксированной в установленном порядке. Меры по обеспечению сохранности и целостности представляемых материалов сохраняют свое важное значение [8, с. 200–201]. Впоследствии соблюдение данных норм может быть проверено судом, и установлена достоверность представленных сведений путем осмотра либо экспертного исследования материального объекта и сопоставления его с другими доказательствами. Поэтому возможность использования сведений, полученных оперативно-розыскными средствами, в соответствии с законом определяется принципиальной возможностью проверки их достоверности. При проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий ключевое значение приобретает необходимость предоставления гарантий участникам мероприятий, которые аналогичны средствам, используемым в уголовном процессе.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ отменила обвинительный приговор Ленинградского областного суда, который был основан на недопустимых и недостоверных доказательствах.

Богданов Р.И. был осужден за неза-

конный сбыт наркотического средства в особо крупном размере (ч. 5 ст. 228.1 УК РФ). Судебная коллегия отменила приговор и направила дело на новое рассмотрение. Уголовное дело в отношении Богданова было возбуждено 22.04.2015 г. на основании рапорта оперуполномоченного ОУР Ш. об обнаружении признаков преступления, составленного по результатам проведенного ОРМ в отношении Богданова. Проверочная закупка проведена на основании рапорта оперуполномоченного Ш. о наличии оперативной информации о том, что тот занимается сбытом наркотиков. Однако какие-либо конкретные «оперативные данные» в материалах дела отсутствуют. Не были истребованы таковые данные и судом. В деле имеется лишь заявление гражданина под псевдонимом С. от 21.04.2015 г., в котором указано, что «Богданов Р. осуществляет незаконный сбыт наркотических средств», в связи с чем он (С.) согласен добровольно принять участие в проверочной закупке наркотических средств. При этом какие-либо сведения об обстоятельствах незаконной деятельности Богданова, об источнике его осведомленности об этой деятельности Богданова, в заявлении не приведены. Без проверки сообщенной С. информации, не принимая мер применить иные способы расследования преступной деятельности Богданова, не имея каких-либо достоверных данных, указывающие на то, что Богдановым совершены действия, направленные на подготовку преступления по незаконному обороту наркотиков, либо начато совершение такого преступления, что в соответствии с ч. 2 ст. 7 Закона «Об ОРД», является основанием проведения оперативно-розыскных мероприятий, в тот же день сразу после сообщения С. в отношении Богданова было назначено проведение проверочной закупки. Данные обстоятельства, имеющие существенное значение для решения вопроса о законности проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении Богданова, не получили надлежащей оценки в приговоре.

Обыск также был проведен с нарушением закона. Обыск в квартире был

проведен 21.04.2015 г. до возбуждения уголовного дела на основании судебного решения от 09.04.2015 г., которым разрешено производство обыска по уголовному делу, возбужденному 01.04.2015 г. по факту покушения на незаконный сбыт наркотического средства 26.03.2015 г., в совершении которого подозревался Р. Целью обыска являлось отыскание незаконно хранящихся Р. наркотических средств и иных предметов, запрещенных к гражданскому обороту. Основанием обыска послужили сведения о хранении Р. в квартире наркотических средств, суд не привел в приговоре мотивы, в силу которых эти обстоятельства не влияют на решение вопроса о законности обыска. На момент производства обыска уголовное дело, возбужденное в отношении Богданова, не было соединено с какими-либо другими уголовными делами. В этой связи суду надлежало проверить вопрос об относимости указанного судебного решения о разрешении обыска к проводимым оперативно-розыскным мероприятиям в отношении Богданова, а также выяснить вопрос о том, не было ли реализовано это постановление, не производился ли обыск по указанному адресу ранее. Приведенные обстоятельства, которые могут свидетельствовать о том, что решение о производстве обыска по уголовному делу в отношении Богданова не принималось, имеющие существенное значение для решения вопроса о законности проведенного обыска не получили надлежащей оценки в приговоре. Кроме того, отвергая показания Богданова о том, что он из квартиры не выходил и наркотики С. не сбывал, суд сослался на показания С. и Ш., при этом только показания свидетеля С. являются прямым доказательством причастности осужденного к сбыту наркотика. Свидетель Ш. в подъезд не заходил и не видел момент встречи осужденного со свидетелем, в ходе которой Богданов якобы передал наркотическое средство С. Вопрос о достоверности показаний свидетеля под псевдонимом С. подлежал тщательной проверке. Из материалов дела следует, что лицо под псевдонимом С. и ранее, в марте 2015 г., привлекалось к

проведению проверочных закупок наркотических средств, но в ходе судебного следствия не выяснялся вопрос о том, не оказывал ли свидетель под псевдонимом С. услуги полиции на постоянной основе, что следовало учесть при оценке его показаний. Как пояснил свидетель под псевдонимом С., он сам назначил встречу Богданову для приобретения наркотика, позвонив ему по телефону 21.04.2015 г. Однако эти показания С. не нашли подтверждения. Из протокола соединений телефона, которым пользовался Богданов, на его телефон в период с 16 часов 30 мин. до 23 часов 21.04.2015 г., входящих звонков не поступало. Доказательства использования Богдановым какого-либо другого телефона помимо телефона с абонентским номером стороны обвинения не представлены, что в сбыте наркотического средства С. 21 апреля 2015 г. помимо Богданова подозревались иные лица: Б. и Р., уголовное дело в отношении которых прекращено, вопрос о том, кому звонил свидетель под псевдонимом С., нуждается в дополнительной проверке, а потому вывод суда о достоверности показаний данного свидетеля был преждевременным [1].

Тезис о достоверности как критерии вопроса о допустимости доказательства отстаивается в большинстве публикаций. По мнению Е.А. Доли, в ряде случаев допустимость (в смысле процессуальной формы) вобрала в себя содержание доказательств и процесса доказывания в целом, вследствие чего явилось невозможным доказывание в целом [5, с. 174–175]. Решение вопроса о характере связи допустимости доказательств с его достоверностью, в конечном счете, основывается на иерархии задач, стоящих перед уголовным судопроизводством, о соотношении значения процессуальной формы и требования полного, всестороннего и объективного исследования всех обстоятельств дела.

Институт допустимости доказательств «отфильтровывает» информацию, способ получения которой повышает риск ее искажения и вместе с тем способствует предотвращению нарушения прав участников

уголовного процесса. Но установленные правила собирания, исследования, фиксации и хранения доказательств приобретают важное самостоятельное значение, не зависящее от содержания данных правил и формирующее режим законности. Вопрос о возможности использования доказательств при ненадлежащей процессуальной форме окончательно не разрешен. По словам Ю.К. Орлова, процессуальная форма, при всей ее важности, не является самоцелью. Она призвана обеспечивать две задачи – максимально гарантировать достоверность полученных данных и обеспечить законные права и интересы участников судопроизводства. В связи с этим процессуальные нарушения, которые влияют на допустимость доказательств делятся на два вида: 1) ставящие под сомнение достоверность доказательств; 2) ущемляющие права личности. Подход к данным видам нарушений различен, поскольку первые имеют познавательную (гносеологическую) природу, а вторые – природу социальную [12, с. 46–47]. Нарушения, ставящие под сомнение достоверность доказательств, можно классифицировать как существенные и несущественные; существенные, в свою очередь, могут быть восполнимыми или невосполнимыми. Кроме того, следует иметь в виду тот факт, что в уголовном процессе существуют средства и способы, с помощью которых можно нейтрализовать последствия нарушения отдельных его норм, доказав, что эти правонарушения не повлияли на соблюдение ведущих конструктивных принципов уголовного судопроизводства.

Сегодня существует проблема, связанная с определением существенности нарушений, которая не разрешена на законодательном уровне. С одной стороны, конкретика в вопросах нарушений позволила бы судам и другим лицам, осуществляющим судопроизводство, сформировать единую практику исключения доказательств из числа таковых при допущении тех нарушений, которые бы были исчерпывающими, перечисленными в законе. Данная ситуация повысила бы число уголовных дел, прекращенных по реабили-

рующим основаниям на досудебных и судебных стадиях процесса. Однако, с другой стороны, в ситуации, когда основным показателем деятельности лиц, осуществляющих судопроизводство, является количество привлеченных к уголовной ответственности лиц, размытость и несогласованность законодательных норм является возможностью для принятия обвинительных решений даже с учетом имеющихся нарушений закона.

Приговором Кировского районного суда несовершеннолетний А. оправдан по ч. 2 ст. 162 УК РФ в связи с непричастностью лица в совершении преступления в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 302 УПК РФ.

Органами предварительного расследования А. обвинялся в совершении разбоя в отношении несовершеннолетних С. и Б., у которых были похищены сотовые телефоны. В обоснование вины А. следствием были положены показания потерпевших и свидетеля Л. об обстоятельствах разбойного нападения, протоколы предъявления А. на опознание потерпевшим, а также свидетелю Л., показания понятых, участвовавших при предъявлении для опознания и подтвердивших, что потерпевшие и свидетель уверенно опознали А. как лицо, совершившее преступление. Будучи допрошенным в судебном заседании, А. отрицал свою вину в совершении преступления. Основной причиной вынесения оправдательного приговора явилась иная оценка доказательств, нежели данная органами предварительного следствия, признание ключевых доказательств (протоколов опознания) недопустимыми. Суд указал, что не опровергнута версия подсудимого о нахождении в момент совершения преступления в другом месте, которую подтвердили свидетели со стороны защиты. Кроме того, в судебном заседании потерпевшие С., Б., свидетель Л., указавшие в ходе опознания на А. как на лицо, совершившее преступление, пояснили, что при опознании они ошиблись, А. был похож на одного из нападавших, но это не тот человек, который совершил разбойное нападение. Протоколы опознания судом были признаны недопустимыми доказательствами, поскольку между А. и

статистами имелась разница в возрасте и национальности. Однако в соответствии со ст. 193 УПК РФ лицо предъявляется для опознания вместе с другими лицами, по возможности внешне сходными с ним. При этом закон не содержит требования, чтобы другие лица, предъявляемые для опознания, совпадали с опознаваемым по возрасту и национальности. Кроме того, как следует из протоколов опознания, потерпевшие С. и Б., а также свидетель Л. уверенно опознали А. по иным признакам (внешности, одежде, чертам лица, но не по возрасту и национальности). Только в судебном заседании они указали, что опознали А. по возрасту. Все иные участники опознания подтвердили, что статисты были похожи на А., существенных различий во внешнем виде статистов и А. не было. При таких обстоятельствах признание судом протоколов опознания недопустимыми доказательствами следует считать необоснованными.

Показания свидетелей Х. и Р. оценены судом как достоверные, а сами свидетели защиты – лицами, не заинтересованными в исходе дела. Однако данные свидетели являются заинтересованными в исходе дела, т.к. Х. является родственником А., а Р. поддерживает дружеские отношения с дядей А. Свидетели М. и В. фактически подтвердили только то, что А. работал в бригаде рабочих, занимавшихся отделкой квартиры № NN по Петергофскому шоссе в Санкт-Петербурге.

Вместе с тем, вынесению оправдательного приговора способствовала неполнота предварительного расследования. Несмотря на то, что в ходе расследования А. отрицал вину в совершении преступления, утверждал, что находился на работе, очные ставки с потерпевшими и свидетелями своевременно произведены не были. Вместе с тем, тщательно проведенные данные следственные действия позволили бы в дальнейшем при изменении показаний потерпевшим в суде использовать показания, данные в ходе очных ставок, в процессе доказывания.

Своевременно не проведены обыски и иные действия с целью возможного обна-

ружения похищенных телефонов. Процесс опознания А. потерпевшими и свидетелем не был зафиксирован с помощью видеозаписи.

Следует отметить, что жёсткое правило о недопустимости доказательств, полученных с нарушением норм уголовно-процессуального закона, не всегда выполнимо на практике. Вероятно, следует более активно обсуждать вопрос об альтернативном подходе оценки допустимости доказательств, аналогично подходу, который используется в большинстве зарубежных стран. В западных процессуальных системах нарушение, допущенное при собирании доказательств, за некоторым исключением, является основанием не для признания доказательства недопустимым, как в российском уголовном процессе, а для участия его в тесте пропорциональности. Этот тест включает в себя оценку надёжности полученного доказательства, его доказательственной ценности, значимости нарушенного права и существенности нарушения, тяжести преступления, а также при производстве в суде присяжных – эффекта предубеждения, который способно вызвать данное доказательство.

Интересно, что в английском общем праве издавна существует «правило наилучшего доказательства», согласно которому если достоверность доказательства не страдает от нарушения, то его следует признавать допустимой. Формулировка данного правила звучит следующим образом: «Доказательство должно быть наилучшим, насколько это позволяет природа дела» [20, с. 184]. При этом не важно, из какого источника и каким способом появились доказательства, главное, чтобы с их помощью можно было бы правильно разрешить дело (т.е. «наилучшее доказательство – это наиболее информативное и достоверное доказательство»). В настоящее время в английском процессе считается, что при решении вопроса о принятии доказательств к рассмотрению суд должен найти баланс между двумя антагонистическими публичными интересами: достижения истины в процессе и недопущения незаконных методов получения доказа-

тельств [16, с. 175].

Другой кардинальный подход состоит в том, что любое процессуальное нарушение, т.е. отступление от любого предписания, содержащегося в нормах уголовно-процессуального закона, касающегося собирания и проверки доказательств, всегда ведет к утрате полученными таким способом данными качества допустимости и достоверности. Эта концепция закрепились в отечественной теории, законодательстве и практике.

Наряду с этим не усматривается идея законодателя с точки зрения принципиальных положений современного российского уголовно-процессуального права относительно процедуры оценки допустимости и достоверности доказательств. По общему мнению юристов, значение процессуальной формы доказательств явно превалирует над их содержанием. Это создает хорошую почву для того, чтобы в судебном разбирательстве вопросы допустимости становились основными для обсуждения со стороны обвинения или защиты. Суды в исключительных случаях выносят оправдательные приговоры ввиду установленных нарушений требований закона при собирании и фиксации доказательств, в остальных случаях игнорируя установленные законом требования допустимости [18, с. 368].

Для получения доброкачественного, т.е. удовлетворяющего интересам дела и интересам лиц, доказательства оказывается недостаточным соблюдения точного и полного соответствия порядка его формирования закону. Для этого необходимо определить его относимость и достоверность. При этом допустимость обусловлена формальной стороной доказательства, тогда как относимость и достоверность свидетельствуют о его фактической правильности, «реальности существования», которая имеет значение для уголовного дела. Очевидно, что если сведения об обстоятельствах преступления собраны в полном соответствии с процессуальными нормами, но их содержание не соответствует действительности, то нельзя говорить и о наличии доказательства как такового и его юридической значимости [1, с. 629].

Однако следует иметь в виду, что мало установить достоверность в отношении свойства отдельного доказательства, важно проверить данное доказательство в совокупности с другими доказательствами. Каждое доказательство соотносится с иной доказательственной информацией и после этого окончательно оценивается как достоверное либо недостоверное. Нельзя согласиться с И.Б. Михайловской, которая говорит о том, что включение в перечень свойств доказательств понятия достоверности не является плодотворным в теоретическом и практическом аспекте [10, с. 50]. На наш взгляд, термин «достоверность», как было уже указано, включая в себя свойства допустимости и относимости, усиливает значение способов и средств для обеспечения этих свойств и подчеркивает единство формы и содержания доказательств. В связи с этим достоверное доказательство не должно вызывать сомнения у должностных лиц и государственных органов, ведущих уголовный процесс, но и у участников, имеющих в деле законные интересы. Кстати, по этой причине трудно согласиться с А.В. Смирновым, который утверждает, что достоверность есть наше субъективное представление об истине [16, с. 21–22]. Представляется, что субъективность на основе опыта субъекта доказывания возможна и допустима лишь на первом этапе исследования доказательств, тогда как о результате доказывания (как «достойным веры», «достаточно верным, чтобы...») должно судить объективно, используя возможные, доступные в конкретной ситуации средства.

Достоверность как элемент оценки доказательств означает оценку соответствия субъектом имеющихся сведений фактам объективной реальности. На основе принципа свободной оценки доказательств осуществляется контроль со стороны участников с целью исключить фальсификацию доказательств, установить, что то или иное обстоятельство существует объективно, независимо от чьего-либо влияния или предположения. Таким образом, достоверность формируется на основе надлежаще произведенного до-

казывания при тщательно произведенной проверке и оценке собранной и закреплённой информации.

Стоит отметить, что те или иные аспекты достоверности рассредоточены в различных нормах УПК РФ. Анализ п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, посвященной недопустимым доказательствам, которая к числу таковых относит показания потерпевших и свидетелей, основанных на догадке, предположении и слухе, позволяет сделать вывод о том, что именно здесь закреплён частный случай признания доказательства недостоверным. Данная норма совершенно оправданно заслуживает внимания, поскольку представляет собой ключ к пониманию достоверности доказательств в российском судопроизводстве. Догадка, предположение и слух, являющиеся препятствием к допустимости показаний потерпевших и свидетелей, объединены общей чертой – отсутствием внешнего источника информации, обеспечивающего ее подтверждение. Такие показания являются лишь мнением ее носителей (потерпевших и свидетелей) и не имеют ничего общего с отражением действительности, а это означает, что они не могут быть достоверными. Таким образом, основываясь на анализе п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, можно сделать промежуточный вывод о том, что недостоверное доказательство является недопустимым. Эта идея получила свое развитие и в других нормах УПК РФ. Так, при производстве следственных действий установлен запрет на дачу заведомо ложных показаний, осуществление неправильного перевода, вынесения заведомо ложного заключения, в материалах уголовного дела четко должен усматриваться характер, источники и условия обнаружения и получения вещественных доказательств. Выводы о достоверности доказательств должны быть сделаны после сопоставления доказательств друг с другом, установлены их первоисточники. Таким образом, оценка достоверности доказательств включает оценку всего процесса его формирования. Так или иначе, все те правила собирания, изъятия, исследования и фиксации, которые известны уголовному процессу с давних

времен, направлены на то, чтобы была в конечном счете обеспечена подлинность, достоверность того или иного вида доказательств.

Именно поэтому в отношении *формирования личных доказательств* (показаний отдельных участников) установлены, помимо общих требований, например, следующие «специальные» процессуальные средства: 1) правила разъяснения свидетелю или потерпевшему обязанности не давать заведомо ложные показания; 2) правила преимущества получения показаний из первоисточника и недопущение показаний, полученных из «вторых рук», если допрашиваемый не может указать источник своей осведомленности; 3) проведение освидетельствования или экспертизы в отношении лица, дающего показания, чтобы проверить возможность адекватного восприятия и отражения им действительности либо достоверность его показаний; 4) обязательное предоставление переводчика в случае недостаточного владения либо невладения языком, на котором ведется судопроизводство; 5) запрет наводящих вопросов; 6) разъяснение права, предусмотренного ст. 51 Конституции РФ; 7) четкое и правильное определение статуса допрашиваемого лица; 8) запрет на провокацию либо подстрекательство со стороны должностных лиц; 9) запрет пыток или насилия; 10) удаление свидетелей из зала судебного заседания, с тем, чтобы они не общались между собой и тем самым не была искажена информация, исходящая от них.

Условиями *достоверности заключения эксперта* выступают: 1) надежность применяемой экспертом методики; 2) достаточность и качество представленного эксперту материала; 3) полнота произведенного экспертом исследования; 4) правильность исходных данных; 5) аргументированность выводов эксперта в заключении; 6) отсутствие противоречий заключения и иных доказательств по уголовному делу; 8) надлежащая компетенция эксперта и предупреждение его об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения [12, с. 126].

Таким образом, достоверное экспер-

ное заключение включает в себя соответствие реальной действительности и его обоснованность. Надо отметить, что в настоящее время нередко возникает ситуация, когда по новым видам экспертиз методики еще не выработаны и отсутствуют критерии определения того или иного обстоятельства, поэтому невозможно по результатам экспертизы обеспечить достоверность результата. Такая проблема, например, возникает в случае назначения и производства судебно-экономических экспертиз, экологических, юрислингвистических, компьютерных исследований.

Меры, обеспечивающие *достоверность результатов следственных действий*, в том числе получаемых в ходе них вещественных доказательств: 1) предварительный допрос перед проведением проверки показаний на месте или предъявлением для опознания для последующего установления тождества объектов, места, обстановки, действий и др.; 2) правило о количестве лиц, предъявляемых для опознания, чтобы затруднить тем самым процесс узнавания объекта; 3) требование к максимальному сходству предъявляемых для опознания объектов; 4) создание условий, максимально приближенных к существовавшим ранее в реальности при проведении следственного эксперимента; 5) случаи обязательного назначения и производства экспертиз; 6) участие в следственных действиях понятых либо технические средства фиксации хода и результатов следственных действий; 7) средства, обеспечивающие надлежащий порядок изъятия и упаковки объектов, чтобы обеспечить их целостность и сохранность и другие.

Уголовно-процессуальное законодательство устанавливает *правила*, согласно которым *вещественные доказательства* должны быть индивидуализированы в уголовном деле, приобщены специальным постановлением и сведения о них должны быть обязательно отражены в деле. Поскольку многие из материальных объектов незаменимы, представляют собой особую доказательственную ценность, их движение должно быть легко прослежено в материалах уголовного дела, и опреде-

лено их дальнейшее нахождение после разрешения его по существу.

Процессуально значимыми признаками вещественного доказательства для обеспечения достоверности выступают:

- предметный характер объекта;
- наличие процессуального документа, содержащего данные о происхождении вещественного доказательства;
- осмотр вещественного доказательства с подробным описанием его в протоколе (общая характеристика местонахождения объекта, методы и технические средства обнаружения объекта, индивидуальные признаки, дополнительный, «усиливающий» визуализацию способ фиксации, способ изъятия и упаковки);
- вынесение постановления о признании объекта вещественным доказательством;
- надлежащий способ хранения вещественного доказательства;
- предъявление участникам процесса вещественного доказательства в натуре (в случае невозможности – «объективной» копией) [6, с. 20–21].

В настоящее время все большее значение приобретают *«электронные доказательства»*, термин которых не определен в современном уголовно-процессуальном законодательстве. В теории уголовного процесса также нет единства в определении данной разновидности доказательств и его необходимых признаков. Однако установлено, что главное отличие электронного документа от классического в том, что у него нет тесной связи с материальным носителем. Электронные доказательства могут быть представлены как в материальной форме (бумажной, распечатанной с файла копии), так и в электронном виде (компакт-диски, флэш-карты, жесткие диски и др.). При определении формы доказательства главным является установление достоверно представленной информации, что само по себе представляет проблему практического свойства.

Для материальной формы электронного доказательства применяется нотариальное удостоверение либо удостоверение должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело. Необхо-

дима законодательная регламентация полномочий следователя или дознавателя, обязанности удостоверения подлинности электронных доказательств в материальной форме по ходатайству сторон без обращения к нотариусу [15, с. 410].

Электронная копия доказательства, представленного в виде документа, для подтверждения подлинности, должна быть удостоверена электронной цифровой подписью (усиленной цифровой подписью).

Таким образом, следует сделать вывод о том, что оценка достоверности содержания доказательств является важным элементом процесса доказывания, включающем оценку относимости и реальности фактов и допустимости методов их установления, осуществляется на всех стадиях уголовного процесса, как в отношении свойства отдельного доказательств, так и в отношении всей их совокупности по уголовному делу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апелляционное определение ВС РФ от 03.08.2017 г. по делу № 33-АПУ17-17 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-03082017-n-33-apu17-17/> (дата обращения: 22.10.2020).
2. Балакишин В.С. Признание доказательств недопустимыми и исключение их из процесса доказывания на стадии предварительного расследования // Проблемы права. 2015. № 2(50). С. 128–132.
3. Бахтеев Д.В. Уровни (стандарты) доказывания как этапы перехода от вероятности к достоверности информации // Российский юридический журнал. 2014. № 3 (96). С. 94–98.
4. Белкин Р.С. Собираение, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы // Белкин Р.С. Избранные труды. М., 2009. 767 с.
5. Доля Е.А. О доказывании и доказательствах // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания: материалы международной научно-практической

конференции, 27–28 октября 2003 г. М.: Изд-во МГЮА, 2004. С. 174–178.

6. Егоров Н.Н. Теоретические основы понятия и содержания вещественных доказательств // Вещественные доказательства: содержание и возможности исследования. М.: Юрлитинформ, 2017. 256 с.

7. Корнакова С.В. Соотношение понятий «достоверность» и «истинность» доказательств в уголовном процессе // Всероссийский криминологический журнал. 2010. № 2. С. 69–75.

8. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие. М.: Юрайт, 2011. 343 с.

9. Миронов В.Ю. Достоверность доказательств и их значение при постановлении приговора. Оренбург, 2006. 222 с.

10. Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М.: ТК Велби: Изд-во «Проспект», 2006. 192 с.

11. Некрасов С.В. Особенности использования доказательств в уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 208.

12. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе: монография. М.: Юрист, 2009. 175 с.

13. Петрухина А.Н. Оценка заключения эксперта в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2013. 200 с.

14. Россинский С.Б. Собираение доказательств как «первый» этап доказывания по уголовному делу // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 3. С. 101–103.

15. Рябцева Е.В. Использование электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе // Социальные технологии и правовые институты: материалы Международ. науч.-практ. конф., посвященной 95-летию П.А. Лупинской. М.: Оригинал-макет, 2016. 592 с.

16. Смирнов А.В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе. М.: ИНФРА-М, 2018. 240 с.

17. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография. М.: Норма: Инфра-М, 2014.

240 с.

18. *Arden M.* Human Rights and European Law: Building New Legal Orders. Oxford: Oxford University Press, 2015. 368 p.

19. *Kealy S., Forney A.* The Reliability of Evidence in Evidence-Based Legislation // *European Journal of Law Reform*. 2018. Vol. 20. Mar. P. 40–66.

20. *O'Neill S.L., Rose K.C., Hoffman A.* Perceptions and Credibility: Understanding the Nuances of Eyewitness Testimony // *Journal of Contemporary Criminal Justice*.

2011. № 27(2). P. 183–203.

21. *Spenser J.R.* Hearsay evidence in criminal proceedings. 2 edition. Oxford: Hart Publishing Ltd, 2014. 469 p.

22. *Watney M.* Admissibility of Electronic Evidence in Criminal Proceedings: An Outline of the South African Legal Position [сайт] // *Journal of Information, Law & Technology (JILT)*. 2009. P. 1–13. URL: https://warwick.ac.uk/fac/soc/law/elj/jilt/2009_1/watney/watney.pdf (дата обращения: 22.10.2020).